

Дербин Е. Н.

**Проблема верховной власти Древней Руси
в трудах историков белградского круга русской эмиграции
(1920–30-е гг.)**

Актуализация историографического изучения проблем политогенеза Древней Руси не случайно связана со школой И. Я. Фроянова¹. Своими историческими и историографическими трудами Игорь Яковлевич дал мощный импульс для фундаментального исследования древнерусской истории. Среди ее ключевых вопросов стоит проблема власти, без характеристики которой нельзя себе представить социально-политический строй Древней Руси. В этой связи особую значимость приобретают историографические изыскания, позволяющие осмыслить и обобщить результаты работы многих поколений историков. Без этого невозможно дальнейшее полноценное изучение древнерусских политических и общественных институтов.

Среди малоизученных остаются труды историков русской эмиграции (1920–30-х гг.), в которых проблеме верховной власти в Древней Руси уделялось пристальное внимание. Целью данной статьи является рассмотрение взглядов лишь одного круга историков-эмигрантов, связанных с белградским (шире, по стране проживания — югославским) научным центром. Изучение историографического наследия русского зарубежья по странам-реципиентам и их ведущим центрам позволяет глубже понять особенности или типичность творчества отдельных авторов. Зачастую только наличие необходимой научной среды на местах давало возможность исследователям заниматься познанием своего далекого прошлого в тяжелейших условиях эмиграции. Эту среду формировали научные общества соотечественников, работа в местных университетах и русских школах и организация научной деятельности в рамках создаваемых институтов. Кроме того, необходимым условием было наличие периодической печати, издательского и библиотечного потенциала эмиграции. В этом отношении «Русский Белград» представлял собой крупный научный центр, всячески поддерживавшийся югославским правительством. Здесь имелись Общество русских ученых (с 1920), Русская академическая группа (с 1921), Русское археологическое общество (с 1921), Союз русских педагогов (с 1921), Русская матица (в Любляне, с 1924 и др. городах), Комитет русской культуры (с 1928), Русский дом им. Императора Ни-

---

¹ *Дербин Е. Н.* И. Я. Фроянов и проблема института княжеской власти в Древней Руси // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию проф. Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 49–55; *Он же.* Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007; *Пузанов В. В.* Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012; *Дворниченко А. Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.

колая II (с 1933), Русский народный университет (с 1922), Институт изучения России и Югославии (при Земгоре, с 1926), Институт им. Н.П. Кондакова (с 1939), Русская публичная библиотека (с 1920) и др.² Ученые-эмигранты плодотворно трудились в Белградском университете и его филиалах в Суботице и Скопье, в университетах Загреба, Сараево и Любляны, а также в многочисленных средних школах Югославии (до 1929 Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, далее — Королевство СХС).

Ведущей организацией явился Русский научный институт в Белграде (далее — РНИ), с возникновением которого связана полномасштабная научная деятельность. Он стал общей площадкой для исследователей самой разнообразной идеологической направленности, и не только рассеянных в Югославии, но и во всей русской эмиграции, своеобразной зарубежной академией наук. Открытие его связано с проходившем в 1928 г. в столице Королевства СХС Четвертого съезда русских академических организаций за границей. В результате институт издал двухтомный сборник трудов съезда (1929), в котором приняли участие виднейшие ученые-эмигранты. Затем стали выходить «Записки Русского научного института в Белграде» (1930–1941, 17 т.) и уникальные «Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом» (1931–1941, вып. 1–2). Институт регулярно проводил научные заседания, семинары, конференции, организовывал постоянные лекционные курсы и публичные чтения (по приглашению других организаций), оказывал материальную помощь молодым ученым (будучи сам финансируемым югославским правительством). Одним из главных направлений его работы было изучение прошлого России³.

Ведущую роль во всех этих белградских организациях эмигрантов играло старшее поколение ученых, полностью профессионально сложившееся до революции. Однако среди этой группы не было собственно историков. Поэтому для чтения лекций и докладов по истории в РНИ в Белграде приглашались историки из Праги и других мест рассеяния (Е. Ф. Шмурло, А. А. Кизеветтер, И. И. Лаппо, А. В. Флоровский и др.)⁴. Также образовавшуюся лагуну в изучении русской ис-

² Арсеньев А. Б. Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920–1944 гг. // Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996 (Блоковский сборник. XIII). С. 309–335; Русская эмиграция в Югославии. М., 1996; Иванович М. Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербского А.Ю. Тимофеева. М., 2005. С. 326–334; Ульянкина Т. И. Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919–1938 гг. // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX — первая половина XX в. СПб., 2009. С. 56–76; Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья: Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941 гг. / Авт.-сост. Е.Л. Бондарева. М., 2012. С. 9–61.

³ Спекторский Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14. С. 1–27; Пащито В. Т. Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991. С. 79–82; Емельянов Ю.Н. История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008. С. 173–207; Pax Rossica. Русская государственность в трудах историков зарубежья. С. 61–81.

⁴ Е. Ф. Шмурло в 1930 г. прочел курс «Географические особенности русской территории и их влияние на исторический ход событий в жизни русского народа». А. А. Кизеветтер в 1929 г. прочел курс «Московская Русь: государственное и общественное ее устрой-

тории заполняли труды историка-юриста Ф. В. Тарановского, историка-экономиста и социолога П.Б. Струве и историка-филолога А. Л. Погодина⁵. Среднему и младшему поколению русских ученых труднее было продолжать заниматься научной деятельностью. Не успев получить ученые степени до эмиграции, они имели более низкий научный статус, а значит меньше возможностей найти подходящую работу. Даже в РНИ их положение равнялось членам-сотрудникам, в противоположность действительным членам, которыми до 1938 г. могли быть только «лица, занимавшие прежде кафедры в высших учебных заведениях России или состоящие ныне ординарными и экстраординарными профессорами университета Югославии»⁶. Поэтому представители младших поколений ученых-эмигрантов выступали здесь в основном с научно-популярными и учебными работами или небольшими статьями прагматического характера. В этой группе в Югославии оказалось несколько профессиональных историков: Л. М. Сухотин, А. В. Соловьев, А. К. Елачич, В. А. Мошин, Г. А. Острогорский⁷. Каждый из упомянутых историков белградского круга оставил свой след в проблеме верховной власти в Древней Руси, при этом, специально не занимаясь ею до революции⁸. Ограниченность рамками статьи вынуждает остановиться подробнее только на взглядах старшего поколения исследователей⁹.

ство». И. И. Лапко в 1929 и 1930 гг. прочел курс «Юго-Западная Русь, Литва и Польша в их историческом взаимоотношении». А. В. Флоровский в 1929 г. прочел курс «Киевская Русь в связи с проблемой национального единства русского народа». Из приглашенных историков непосредственно по изучаемой теме необходимо выделить присланный из Парижа в рукописи и прочтенный Ф.В. Тарановским доклад Д. М. Одинца «Возникновение государственного строя у восточных славян» (1932) (см.: *Тарановский Ф. В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности с 1928/9 по 1933/4 акад. г. // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1935. Вып. 11. С. 215, 224–225*).

⁵ Именно они являлись основной научной силой института, сделав больше всего докладов: П. Б. Струве — 102, А. Л. Погодин — 37, Ф. В. Тарановский — 30 (См.: *Спекторский Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде. С. 22*).

⁶ *Спекторский Е. В. Десятилетие Русского научного института в Белграде. С. 9.*

⁷ По древнерусской истории ими сделаны следующие доклады в РНИ: Л.М. Сухотин «О родственных связях дома Св. Владимира, по поводу таблиц Н. Баумгартена» (1932); А.В. Соловьев «Новое освещение вопроса о начале русского государства», «Варяжский элемент в договорах Руси с греками» (оба — 1931), «О геральдическом знаке Рюриковичей по новейшим данным» (1935), «Что означает “Внешняя Россия” у Константина Багрянородного», «Великая и Малая, Белая, Черная и Червоная Русь, опыт по историко-географической и историко-юридической терминологии» (оба — 1938); В. А. Мошин «Не Киевская Русь в IX–X вв.» (1934); Г. А. Острогорский «Крещение Руси и разделение церквей» (1934) (см.: *Тарановский Ф. В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности. С. 215, 218, 221; Он же. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 акад. г. // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13; Спекторский Е. В. Русский научный институт в Белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1939. Вып. 14. С. 32*).

⁸ Хотя каждый из них считал свою работу по русской истории продолжением дореволюционной. При этом любопытно, что были в Югославии те, кто, напротив, занимаясь проблемами древнерусской истории до эмиграции, оказавшись вне родины, не смогли или не продолжили своего дела (М. Н. Ясинский, Г. В. Демченко, А. П. Доброклонский,

Федор Васильевич Тарановский (1875–1936)¹⁰, крупнейший историк русского права, оказавшийся в эмиграции, по изучаемому вопросу на родине отмечен лишь несколькими историографическими работами и небольшой «Программой общего курса истории русского права» (Екатеринослав, 1918), по которым трудно судить о его точке зрения. Это можно объяснить как разнообразием научно-правовых интересов ученого, так и частой сменой мест работы, и не всегда это были кафедры истории русского права. Окончив юридический факультет Варшавского университета (ученик Ф.И. Леонтовича), впоследствии Ф. В. Тарановский профессорствовал в Демидовском юридическом лицее (Ярославль), Юрьевском, Петроградском, Екатеринославском, Таврическом (Симферополь) университетах. Был избран академиком Всеукраинской академии наук. В эмиграции (с 1920) основным местом его работы стал юридический факультет Белградского университета, где он возглавлял кафедру славянских законодательств и преподавал историю славянского права. Разносторонние интересы Ф. В. Тарановского во всех областях права снискали ему известность в научном мире. Его избирают членом Славянского института и Русского исторического общества в Праге, Польского научного общества во Львове, членом-корреспондентом Болгарской Академии наук, и, наконец, академиком Сербской Королевской Академии наук и искусств. Однако главной заслугой Ф. В. Тарановского является основание РНИ в Белграде, где он председательствовал в 1930–36 гг. Здесь, помимо многочисленных докладов и сообщений, Ф. В. Тарановский вел семинарий «По истории русского права земского периода (до половины XIII ст.)» (1931–32). Незадолго до этого ему удалось по предложению председателя Научного общества во Львове П. Домбковского издать на польском языке «Историю русского права» (Ч. I. История государственного строя. Львов, 1928), которая явилась не только единственной в русской эмиграции подобной обобщающей работой, но и самостоятельным научным трудом. Это сразу же отметила критика. Один из рецензентов писал: «Исторические выводы и положения, высказываемые автором на всем протяжении его книги, нигде не носят на себе следов простого эклектизма. всюду видна строгая самостоятельная исследовательская мысль, в высокой мере критически относящаяся к установившимся историческим канонам». Поэтому данная работа по количеству рассмотренных вопросов в соединении «с исклю-

---

Е. В. Аничков — все действительные члены РНИ в Белграде. Последние двое являлись председателями его Отделения общественных и исторических наук).

⁹ О «профессорской» эмиграции в Белграде часто пишут как о выходцах из южнорусских университетов. Это, безусловно, так, но нельзя забывать, что многие из них первоначально прошли петербургскую научную школу, а некоторые состоялись в ней как ученые.

¹⁰ О нем см.: *Спекторский Е. В. Жизнь и личность Ф.В. Тарановского // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13. С. I–XX; Струве П. Б. Ф. М. Тарановский как историк западного и русского права // Там же. С. XXI–XXXVII; Томсинов В. А. Федор Васильевич Тарановский (1875–1936): Биографический очерк // Тарановский Ф.В. История русского права. М., 2004. С. V–XXVIII; Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-е — 1940-е годы): Историко-правовые очерки / отв. ред. С. И. Михальченко. Брянск, 2010. С. 4–27; Российское научное зарубежье: материалы для биобиблиографического словаря. Пилотный вып. 4. Юридические науки: XIX — первая половина XX в. / авт.-сост. М. Ю. Сорокина. М., 2011. С. 164–166.*

чительной свежестью научной мысли»¹¹ может стоять в ряду подобных дореволюционных классических трудов В. И. Сергеевича, М. Ф. Владимирского-Буданова, М. А. Дьяконова, А. Н. Филиппова и представлять важный историографический источник.

Проблема верховной власти в Древней Руси представлена у Ф. В. Тарановского во всей своей полноте, насколько это было возможно, учитывая краткость и догматичность изложения материала в его общем курсе. Следуя традиции киевской историко-правовой школы, ученый выделял в периодизации истории русского права первый период — «земский» (от 862 г. до середины XIII в.), когда не существовало единого государства, а был ряд независимых государств с наиболее характерными названиями «земля» и «волость». Первое наименование подчеркивает элемент территории, второе — власти. Формирование земель-государств на Руси не базировалось на различии отдельных племен, считал историк, а имело чисто военное соображение в организации обороны. «Военный характер политической организации проявляется в том, что в центре жизни всякой земли-государства стоит город». Отсюда старший город являлся резиденцией князя, «который, прежде всего, был защитником обороны земли и военным вождем»¹². Вообще княжеская власть, для Ф. В. Тарановского, несомненно, военного происхождения. Однако в дальнейшем главной и постоянной задачей князя становится соблюдение не только внешнего мира, но и внутри земли, путем насаждения в ней «правды». «Выполняя эту миссию, князь вершит суд, поэтому в юридических памятниках княжеский двор значит место суда». Таким образом, военное предводительство земским войском, сформированным из свободных людей и руководство судебной системой — это две первичные и основополагающие функции княжеской власти. Элементарные управление (администрация), взимание налогов и законодательство имели производное значение, считал историк. Будучи в земле элементом чуждым, призванным от иноземцев варягов, князь в то же время были элементом организационным и самостоятельным, поэтому являлись создателями нового княжого права на основе древних земских обычаев. Для этого им пришлось приобретать некоторые материальные основы, на которых держался бы авторитет княжеской власти и позволял ей выполнять свои задачи, полагал историк¹³. «Первой такого рода основой была княжеская дружина. Всегда и везде князь выступает не как обособленный обладатель власти, но как командир дружины, состоящей из его друзей и верных слуг, которые готовы были с ним разделить долю и страдания и составляли его вооруженную силу, и так вместе эффективно и практически представляли политическую власть».

Второй основой авторитета княжеской власти была собственность князя. Первоначально, когда он был кочующим предводителем дружины и с легкостью двигался от «земли» к «земле», собственность состояла из различного движимого имущества. С течением времени князь поселяются в «земле» и занимают

¹¹ *Одинец Д. М.* Рец. на кн.: Teodor Taranowski. *Historja prawa rosyjskiego*. С. I. *Historja ustroju panstwowego*. Lwow, 1928 // Современные записки. Париж, 1929. Т. 38. С. 552–553.

¹² *Taranowski T.* *Historja prawa rosyjskiego*. Cz. I. *Historja ustroju panstwowego*. Lwow, 1928. S. 4 (здесь и далее перевод мой).

¹³ Там же. S. 15. — Здесь заметно влияние идей А. Е. Преснякова.

большие земельные участки, вкладывая в землю капитал, приобретенный в процессе военных и торговых операций. Данная собственность дает власти князя новую и чрезвычайно важную основу, которая меняет сам характер княжеской власти, утверждал Ф. В. Тарановский. Князь-вотчинник перестает быть только военачальником и судьей, а становится хозяином земли. Этот новый характер княжеской власти возникает в середине XII в., считал ученый.

Третья, сакральная основа укрепления власти князей появляется после принятия и распространения христианства. Церковь рефлексивно учила покорности власти, как установленной Богом. Однако земские князья, по мнению исследователя, такого величия не имели, так как в глазах церкви единственным правителем восточного христианского мира был император Византии, которому политически абсолютно независимые русские князья были духовно подчинены. В то же время церковь учила их государственности, заботе об общем благе земли, «подвиге власти в служении людям». Таким образом, по мнению историка: «содержащийся в княжеской власти монархический элемент благодаря христианству принял образ власти, ограниченной законом божьим, под которым в то время понимали и естественное право»¹⁴.

Говоря о престолонаследии на Руси, Ф. В. Тарановский исходил из известного принципа принадлежности княжеской власти всему роду князей Рюриковичей, в котором каждый из мужских членов имел субъективное политическое право на княжеский стол. По мнению историка, это было завещано первым варяжским князем. Наличие большого количества «земель» и последующая колонизация позволила реализовать это право в порядке старшинства в роде, соответствовавшего иерархии городов, стоявших во главе «земель». Затем ввиду умножения княжеского рода, запутанности междукняжеских счетов, оседанию князей и игнорированию права старшинства князьями-изгоями принцип родовой лестницы изменился на отчинный (семейный). Однако прежний порядок родового наследия не вымер совсем, продолжая считаться законным наряду с более поздним, по мнению историка, правом избрания народом.

Эти два правовых принципа преемственности княжеского стола до середины XII в., как правило, реализовались одновременно, считал он, когда вече актом призвания только подтверждало приход к власти естественного наследника. Впоследствии призвание часто выступало как самостоятельный фактор, причем создавался новый порядок наследования, когда вече призывало князя с детьми, то есть со всей семьей или линией княжеской. На практике также довольно часто приобретение столов осуществлялось собственной энергией отдельных князей путем захватов их силой и это стало пользоваться признанием у народа как обычное право («если не строго княжеского, то земского»). Отсюда, вследствие столкновения и скрепления различных принципов наследования, ни в одном из которых князья не могли быть уверены, они искали специальной защиты его и находили в междукняжеских договорах. Заключенные «с заинтересованными сторонами в каждом конкретном случае, которыми выступали члены рода, договоры обеспечивали в них неприкосновенность и целостность того или иного способа получения права на стол и власть», — констатировал историк¹⁵.

¹⁴ Там же. С. 16–17. — Здесь заметно влияние идей М. В. Шахматова.

¹⁵ Там же. С. 18–19. — Здесь заметно преобразована лестничная теория В. О. Ключевского.

Рядом с князем существовал совет из бояр, который в историографии получил название «Боярская дума». Ф. В. Тарановский задавался традиционным вопросом: «Была ли дума боярская учреждением, или только совещанием, или формально ограничивала княжескую власть?» Однозначного ответа историк не находил. С одной стороны, «тогдашнее обычное право не выработало и не знало никаких формальных ограничений монархической княжеской власти; таким образом, дума боярская с формальной точки зрения была консультативным правовым институтом. Однако фактически и в действительности князь должен был считаться с голосом думы, потому что она состояла из его вольных слуг, которые в случае расхождения с князем во взглядах на важные дела, а также в отношении решений принятых князем самостоятельно могли его послушаться и, бросив службу, уехать от него, что фактически не раз бывало». Первоначально дума состояла только из княжеских мужей, входивших в старшую дружину, и являлась советом князя «в военных походах и в доме, на дворе». Её значение определялось положением дружины, как одной из вышеуказанных основ авторитета княжеской власти и на договоре свободного служения, подчеркивал историк. Отсюда, несомненно, дума была продуктом княжого права, считал он, но уже к концу X в. в неё входят «старцы градские», т.е. лучшие люди главного города земли. Затем князь призывал в думу и «передних мужей» из пригородов, а также высших должностных лиц — «тысячников» и «посадников».

С образованием единого класса бояр из княжеских и земских мужей закончилось, по мнению Ф. В. Тарановского, формирование думы из первично княжеской в поистине боярскую, как постоянного совета при князе, принятого и в земском праве. Иногда в ней участвовали высшие сановники церкви — епископы и игумены значительных монастырей. К компетенции думы принадлежали все те вопросы, которые входили в сферу княжеской власти: совещание с князем в военных походах, объявление войны и заключение мира, суд, управление, законодательство. Кроме того, боярская дума вместе с вечем заключала с князем соглашение (ряд), когда он вступал на стол в земле. Данная функция появилась, когда княжеские мужи стали оседать на землю и полностью слились с земскими боярами (вторая половина XII в.). Таким образом, боярская дума из княжого права, в конечном счете, перешла в земское, подчеркивал Ф. В. Тарановский¹⁶.

Третьим элементом верховной власти на Руси, с точки зрения историка, являлось народное собрание (вече). Извечность и универсальность данного политического института в обычной практике подтверждается многочисленными записями в летописи, констатировал Ф. В. Тарановский и далее характеризовал его следующим образом. Вече было собранием людей старшего города, как главного в земле, решение которого принимали пригороды. Если случалось пригородное вече, решающее дела всей земли, то это означало чрезвычайное положение, в ходе чего политический центр земли переходил к пригороду. В нормальных условиях пригородное вече «было лишь проявлением местного самоуправления и общего значения для всей земли не имело». «Вече составляли все свободные люди от сановников церкви и бояр до смердов». В основном это население главного города земли, но могли участвовать и свободные люди из пригоро-

¹⁶ Там же. S. 20–21. — Здесь заметно влияние идей М. Ф. Владимирского-Буданова.

дов. «В какой степени устанавливалось влияние на вечевые решения представителей различных социальных классов, и кто принимал верх на вечеах, это зависело от отношений и условий места и времени». Решения на вечеах принимались единогласно и не имели формального значения, так как в то время еще не существовала сама идея формального голосования и решающего большинства. «Компетенция вечеа простиралась на все вопросы тогдашней жизни государства. На вечеах выбирали князя и заключали с ним договор (ряд), в котором князь в устной форме давал обещание, что судить и править будет по закону, а люди ему в обмен клялись зла никакого не делать и обе стороны скрепляли свои обещания клятвой (крестоцелованием)». С середины XII в. «одиначество» князя с людьми стало в целом распространенным обычаем, признанным и обязательным. Изгнание со стола не угодившего людям князя чаще всего происходило в результате сговора и связано было с беспорядками. «По просьбе князя вечеа определяло, идти в общий поход или заключать мир. В области правления, вечеа принимало решение о сборе народного ополчения и устанавливало налоги в связи с чрезвычайными ситуациями, как правило, вызванными военной необходимостью. Иногда вечеа принимало участие в устранении с должности княжеских чиновников, которые людям зла сотворили, и в назначении на посты новых людей, по своей воле. Суды, как известно, принадлежали князю, но в делах большого веса князь проводил их с боярами на вечеах перед народом. Само вечеа брало суд в свои руки по политическим делам, когда княжеские чиновники, а иногда и сам князь незаконно судили и правили. В этот период нельзя не отметить участие вечеа в законодательстве, но монументальных следов, подтверждающих это, нет; может быть, суды князей на вечеах были связаны с голосованием о некоторых изменениях и инновациях в обычном земском праве»¹⁷.

В итоге, по мнению Ф. В. Тарановского, основой вечеаго устройства того времени было то, что весь народ (подразумевается, в составе свободных людей) имел юридическое право в случае необходимости вступать в войско и использовать личную силу. Поэтому князь был вынужден считаться с военной силой земли, а значит созывать вечеа. В противном случае вечеа созывали сами люди стихийно или с помощью авторитетных мужей. Таким образом, князю приходилось жить в согласии с людьми. Отношение между князем и вечеах, считал историк, нельзя заключить в строго юридические рамки, так как границы соучастия их во власти были нестабильными и зависели от соотношения сил в каждом конкретном случае¹⁸. В общем строе древнерусских земель выделялся только Великий Новгород, где равновесие княжеской и земской власти смещалось в сторону последней. Этому способствовали, считал Ф. В. Тарановский, экономические условия Новгорода, его богатство от торговли между северо-востоком Руси и западом, а также некие грамоты Ярослава Мудрого о новгородской вольнице. В 1126 г. здесь появился выборный посадник, затем выборный тысяцкий, которые как гражданская и военная власть стали рядом с князем, а не под ним. Князь же с конца XII в. теряет все права по наследованию стола в Новгороде и становится исключительно выборным и ограниченным во власти¹⁹.

¹⁷ Там же. S. 21–23.

¹⁸ Там же. S. 23–24.

¹⁹ Там же. S. 27–29.

В целом концепция верховной власти в Древней Руси Ф. В. Тарановского эклектична и продолжает наиболее распространенные в дореволюционной науке истории русского права идеи триализма власти (князь, боярская дума, вече). Однако можно согласиться с упоминавшимся вначале мнением Д. М. Оди́нца, что данный эклектизм есть «самостоятельная исследовательская мысль», научно выверенная и критически проверенная источниками. К тому же в традиционную концепцию Ф. В. Тарановский внес взгляд на эволюцию, а не статику отдельных элементов верховной власти на Руси от происхождения до процесса усложнения их компетенции во времени, с четким выделением домонгольского периода. Это было особо отмечено в эмигрантской исторической науке²⁰. Вскоре после этой обобщающей работы свои выводы Ф. В. Тарановский подтвердил в специальной статье²¹, что еще больше укрепило за ним положение специалиста в изучаемом вопросе²².

Если от Ф. В. Тарановского можно было ожидать крупной обобщающей работы по истории русского государства и права в эмиграции, то неожиданным экспертом по древнерусской истории оказался в Белграде академик Петр Бернгардович Струве (1870–1944). Его работа в Югославии (1928–42) еще теснее связана с РНИ, который специально пригласил ученого из Парижа, и еще более убеждает в обусловленности эмигрантской историографии месторазвитием. О жизни и творчестве П. Б. Струве как общественно-политическом деятеле, крупном мыслителе, экономисте и социологе имеется достаточно исследований²³. Широко переиздаются многие его труды. Однако взгляды П. Б. Струве на проблему верховной власти в Древней Руси, которые имеют уникальный характер, еще никем специально не рассматривались.

Работая в РНИ в качестве председателя Философского отделения, П. Б. Струве сосредоточил основное свое внимание на истории России, читая специальные курсы, ведя семинары по обществоведению и занимаясь исследовательской деятельностью²⁴. Результатом этого стали серия статей и написание обобщающей работы, которая не была доведена до конца в связи с кончиной автора. Ее издание подготовили к печати сыновья ученого, Г. П. и А. П. Струве, опубликовавшие в 1952 г. в Париже книгу «Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего, в связи с развитием русской культу-

²⁰ Эсперов Н. Е. Удельно-феодалная эпоха, как особый период в истории русского права // Известия Юридического факультета. Высшая школа в Харбине. Юбилейный девятый том. 1920–1930. Харбин, 1931. С. 247.

²¹ *Taranovskij Th.* Contribution à l'histoire des institutions politiques de la Russie // *Le Monde Slave*. 1929. № 3 (Mars). P. 426–445; № 4 (Avril). P. 92–114.

²² Струве П. Б. Ф. М. Тарановский как историк западного и русского права. С. XXXII.

²³ Отмечу самые крупные: *Пайнс Р.* Струве: Биография / Пер. с англ. А. Захарова. М., 2001. Т. 1–2; Петр Бернгардович Струве / Под ред. О. А. Жуковой, В. К. Кантора. М., 2012.

²⁴ По древнерусской истории им сделаны следующие доклады в РНИ: «Проблема русского феодализма», «История наименования “крестьянин”» (оба — 1929), «Проблема феодализма в России», «Подданство в древнерусском праве» (оба — 1930), «Аграрные отношения в древней Руси: опыт историко-социологического их истолкования» (1938). Много докладов П. Б. Струве сделал также по историографии. — См.: *Тарановский Ф. В.* Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности. С. 219–220; *Спекторский Е. В.* Русский научный институт в Белграде. С. 32–33.

ры и ростом российской государственности». Заглавие данной работы не принадлежит автору и дано ее издателями. Это важно учитывать, так как оно не совсем соответствует содержанию всей книги²⁵. Намереваясь проследить социально-экономическое развитие России, П.Б. Струве в основной работе более писал о социально-политических проблемах, сближаясь с дореволюционными трудами по истории государства и права, лишь выделяясь своей яркой социологической точкой зрения. Во «Введении в историю России» (Белград, 1938) он замечает, что «ныне уже почти 50 лет, занимается социальной и экономической историей России». Однако прежде это были лишь критические выступления «против скороспелых обобщений и трафаретных суждений в этой области», в настоящем же труде П.Б. Струве намеревался дать собственные исторические построения и утверждения, разрешить «целый ряд недоразумений» и ошибок в отечественной историографии и представить исторический процесс вовсе не как однозначный, монистический, а сложный. Причину своего обращения к истории автор видел в попытке «объективно установить историческую причиннозависимость тех экономических и социальных состояний, процессов и событий, из которых слагалась жизнь русского государства и народов России и которые привели к русской революции»²⁶. Типичная, надо заметить, потребность русской эмиграции тех лет, актуализировавшая занятия отечественной историей.

Начиная свое изложение истории России, П.Б. Струве заострял внимание на периодизации. Первый период он называл «ранним русским средневековьем». При этом его не занимал вопрос происхождения Древней Руси, так как предыдущее время, считал историк, не имеет достоверных данных, а пространство, занятое восточными славянами к IX в., генетически не связано с ними. С середины же IX в. и до середины XIII в. — это, по П.Б. Струве, эпоха «племенной государственности, которая незаметно отделяется от племенных структур и незаметно же переходит в эпоху территориальной государственности с властвованием единой пришлой варяжской династии». Таким образом, гранями служат такие события, как «призвание варягов» и монгольское нашествие. В это время, по мнению историка, российское пространство включает некоторое множество земель-государств, которые политически и культурно начинают «двигаться в разных орбитах, по разным историческим путям»²⁷. Правда, при описании этого периода П.Б. Струве не готов отказаться от понятия «Киевская Русь», которое он рассматривает не как единое или союзное государство («оно отнюдь не успело отвердиться в учреждение»), а как своеобразную «федерацию», союз земель-княжеств с Киевом в качестве династической столицы — «первым городом,

²⁵ Название это больше соответствует тем статьям, которые попали в приложение к основной работе («Существовал ли в Древней Руси феодальный правопорядок?», «Наименование “крестьянин”», «Чем были первоначально русские крестьяне и откуда наименование “крестьянин”?», 1929 г.). Они непосредственно писались в связи с курсом лекций «Экономическая история России, в связи с образованием государства и общим культурным развитием страны», читавшемся П. Б. Струве в РНИ в 1928–32 гг. и имевшем особенно большой успех (см.: *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде. С. 23; *Струве П.Б.* Избранные труды. М., 2010. С. 497–498, 528, 537–538).

²⁶ *Струве П.Б.* Избранные труды. С. 43–46, 268.

²⁷ Там же. С. 58–59, 62–64. См. также: с. 97–100, 146, 174–175, 185–186, 199–200, 203, 352.

первым местом княжеской Руси. Этому положению Киева в «многоземельной» Руси соответствует положение Афин как гегемона «многополисной» Греции и положение Любека как *Vogortà* в ганзейском союзе многих городов. Термин *Vogort* всего больше соответствует положению Киева в средневековой Руси. Киев — это династический форорт т.н. «удельно-вечевой» Руси». Существом этого «удельно-вечевого уклада» П.Б. Струве считал «русское княжье, которое, опираясь на свой коллективный суверенитет, осуществляло его в порядке анархии», то есть «княжье внутри себя боролось и мирилось, дралось и сотрудничало. В этой борьбе пассивно и активно участвовало городское люде, опираясь и на свое вечевое право, и на свою физическую силу массы. В эту же борьбу вкладывались и полуоседлые черные клобуки, и настоящие кочевники, половцы». Хотя, по его же мнению, «с точки зрения государственной, Русь раннего средневековья, от 862 до 1240 г., нельзя вообще охарактеризовать ни в каких точных правовых терминах, соответствующих не то что современному правосознанию, но и вообще юридической логике»²⁸.

Однако в разноголосице определений форм правления и государственно-го устройства Древней Руси, к которым вынужденно склонялся в разных местах своего труда П.Б. Струве («федерация земель», «удельно-вечевая анархия», «монархия князя-государя» или «верховенство города-государя»), важнее даваемая им характеристика верховной власти. Но прежде, необходимо остановиться на проблеме ее происхождения. Здесь внимание историка неминуемо падало на т.н. «доваряжское время». Его он определял как период «племенной государственности» восточных славян IX в., которая определенным образом подготовила «варяжскую эпоху». Первое, что замечал историк — это наличие в начальную эпоху множества восточнославянских племен, находившихся на разных ступенях культурного развития (в силу внешних влияний соседних этнических и политических сил и естественных условий существования в рамках леса, степи и воды). В IX в. славяне представляли собой оседлое, занимавшееся земледелием и торговлей, социально расчлененное и расслоенное население²⁹.

Исходя из понимаемого П.Б. Струве определения государства как наличия власти верховного принуждения, приуроченной к определенной территории, по его мнению, племенное деление у восточных славян совпадало с делением государственным. «Восточнославянские племена, — писал он, — населявшие определенные территории и по ним себя называвшие, очевидно, имели какую-то государственную организацию, т.е. какую-то внутриплеменную власть». В ее состав входили племенной князь, совет старейшин и вече. Характеризуя эти три элемента — монархический, аристократический и демократический, которые не были дифференцированы и существовали «в неоформленных, несложившихся еще правовых и бытовых очертаниях», П.Б. Струве находил им аналогии «в первоначальном социальном и политическом строе древних греков, древних гер-

²⁸ Там же. С. 132–134, 137.

²⁹ Там же. С. 64–66. — Это основополагающий тезис П.Б. Струве, которым он пытался опровергнуть, с одной стороны «миф общинный», «миф об исконном аграрном коммунизме», а с другой стороны, «миф о первобытном народоправстве, миф демократический» (С. 94, 97–99, 121, 123–124, 172, 241, 422).

манцев, славян южных»³⁰. Так, «княжеская власть существовала в самом раннем русском обществе как власть племенных сановников, “магистратов”, по-видимому, наследственная в известных “аристократических” родах и, как наследственная, имевшая тенденцию быть независимой и от “народа” (веча), и даже иногда от старейшин, но все-таки зависевшая от этих факторов и потому могшая быть и выборной, и сменяемой. “Народ”, и в образе старцев, и их совета, и в образе решающей и действующей совокупности всех полноправных мужчин (“веча”), стоял рядом с племенным князем». Отсюда, заключал П.Б. Струве, «русское общество, как и все вообще общества на этой стадии развития, имело аристократическое устройство, осложненное ролью и значением народных собраний, или веч. Этот социальный и политический строй всего лучше можно охарактеризовать как аристократическое народоправство, памятуя, однако, что всякое аристократическое устройство на той стадии развития, о которой идет речь, имеет тенденцию перерождаться в монархию и что народ, “демос”, в этих условиях вовсе не тождественен с населением, ибо не включает ни бесправных, ни малоправных его элементов». Поэтому, с одной стороны, «эта политическая организация по существу должна была быть хрупкой и неустойчивой, и в этом — основание т.н. “призвания варягов” по летописному известию». С другой стороны, считал историк, «варяжская княжеская власть была все-таки подготовлена и прообразована политической организацией доваряжской эпохи, и что доваряжская власть племенных князей была зародышем той варяжской власти, которая, вступая в «ряд» с городской аристократией и с городскими вечами, утверждаясь и утвердившись в русских городах и волостях, оказалась менее зависимой и от “народа”, и от его социальной верхушки, чем прежняя племенная власть»³¹.

Говоря о переходе «доваряжского времени» в «варяжскую эпоху», П.Б. Струве не видел основания «предполагать какой-либо не только разительный, но даже заметный разрыв. Произошла только политическая перемена, да и то постепенная (хотя этапы ее нам неведомы): монополизация власти в руках единого пришлого княжеского рода, Рюрика», ставшего «монархической верхушкой восточнославянских (русских) государств». Историк настойчиво отвергает (в сравнении с Западом) «завоевание норманнами (скандинавами), как народом и государством, восточных славян и их областей»³². В IX в. славяне постепенно вступают «в совершенно особые отношения... с бродячими скандинавами-воинами, варягами или норманнами». Все это вылилось, по мнению П.Б. Струве, в замену «одного типа государственного властвования, властвования многих племенных князей, другим типом властвования, более совершенным, своеобразной национальной монополией единой пришлой династии на властвование над разными племенами и землями, близкими по языку и быту. Это новое властвование было более подвижным и гибким и в то же время более крепким и твердым, чем властвование племенных князей и городских веч». Бродячие пираты и торговцы, установившие норманнскую власть, считал историк, были более совершенны «в военном (милитарном) отношении». «Это дало им возможность стать на место хазар, державших некоторую часть восточных

³⁰ Там же. С. 71–76.

³¹ Там же. С. 87–88.

³² Там же. С. 82, 96, 162.

славян в даннической зависимости». «Это данничество чужой власти, — писал историк, — приучило славян к подданству, т.е. к принципиальному и бытовому подчинению относительно далекой государственной власти». И далее: «Внешнюю данническую зависимость варяги заменили таковой же, в известном смысле внутренней. Тем самым они превратили данничество в финансовое подданство, т.е. на место внешнего властвования, ради обложения чужого населения данью, поставили управление населением в порядке податного, судебного и военного верховенства над своим населением. Варяжская княжеская власть стала для восточных славян своею властью. Она не создала русского государства, ни даже русских государств. Она заменила слабые племенные государственные власти единой сильной или, во всяком случае, более сильной надплеменной властью, признанной носителем которой стала варяжская династия»³³.

Таким образом, по П.Б. Струве, «тут не было ни покорения одного народа другим, ни создания государственной власти в какой-то прежде безгосударственной среде. Это было милитарное укрепление и закрепление государственной власти в форме социального сожительства и сотрудничества пришлой династии с туземной, социально весьма уже дифференцированной, средой, верхи которой в строе и ходе управления сразу стали рядом, на равных правах, с пришлой княжеской дружиной и бытовым образом, более или менее быстро, как правящий класс, слились с этой дружиной или, что то же, слили ее с собой. Социальная среда восточного славянства легко ассимилировала себе пришлую княжескую власть с ее дружиной»³⁴. «Сожительство норманнской военно-политической верхушки и восточнославянского населения должно быть охарактеризовано в начале как внешнеполитическое договорное властвование и данничество. В порядке ассимиляции чужеземной верхушки это властвование-данничество преобразовалось в государственное-подданство», т.е. «с приходом варягов этот строй получает более явственный монархический характер»³⁵.

И далее: «“Призвание варягов” решило для большинства русских земель (государств) вопрос об особности, т.е. самостоятельности, княжеской власти в положительном смысле. С этого времени — мы явственно видим это — русское раннее средневековье знает два источника и фактора властвования и права: народ (вече) и князя. Их соотношение нельзя формулировать юридически точно в строгих терминах государственного права». Между ними всегда стояла аристократия, «осуществлявшая свою роль в государстве как геронтократия (старцы!)». Итак, формулирует П.Б. Струве, «дуализм княжеской власти и аристократического народоправства», существовавший «до утверждения пришлой династии» «послужил исходной точкой двух политических порядков на Руси: монархического и республиканского. В большей части земель утвердился, так или иначе, порядок монархический», за исключением Новгорода, а затем Пскова и Вятки (да и то лишь окончательно после татаро-монгольского нашествия). «Его существенным признаком в начале развития было не только и не столько фактически-бытовое, сколько идейно-бытовое признание княжеской власти, как власти, основанной на собственном праве князей на властвование. Фактически князь,

³³ Там же. С. 67–69.

³⁴ Там же. С. 68–69. Ср.: с. 117–118.

³⁵ Там же. С. 80, 86.

принимая власть, часто вступал в ряд с “народом” на основе взаимного крестного целования». Тут П.Б. Струве обнаруживал, вслед за А.Е. Пресняковым, «характерный для русской истории дуализм права» и правосознания. «Так как право не было фиксировано, то оно вообще существовало в форме правосознания, психологически сливавшего воедино притязания и норму. Одно право было княжое. Другое было народное, или вечевое». «Княжое право есть собственное право князя на податное, судебное и военное верховенство»³⁶. Однако, в отличие от А.Е. Преснякова, П.Б. Струве считал, что оно распространялось не только на ту общественную силу, которая от него непосредственно зависела (дружина и смерды), но и «было общим правом, являясь выражением державного, или суверенного характера княжеской власти». «В этом смысле от “княжья” зависели все, от самых “нарочитых” людей до самой ничтожной “свободы”». «В их руках были и вооруженная сила, и ее применение, и все управление, как финансовое, так и судебное — по собственному верховному праву». «Нельзя говорить о «правительственных полномочиях» княжеской власти, ибо никто не уполномочивал князя (князей) властвовать: князя, конечно, “добывали” себе власть, но делали они это, опираясь на свое собственное право, и удерживали эту власть они тоже как свое право»³⁷. Напротив, «в Новгороде и других республиках, когда утвердился государственный порядок, возобладало вечевое право», правда «тесно связанное с фактическим и правовым господством аристократии», «она же плутократия»³⁸. «Аристократический политический и социальный строй Новгорода Великого и аристократический строй Червонной (Галицкой) Руси, — утверждал П. Б. Струве, — где народ (чернь в древнерусском смысле слова) имел меньший социальный вес и меньшее бытовое значение, был ближе к славянскому доваряжскому прошлому, чем лишь перемежаемый вспышками городского вечевого своеволия монархический строй остальных русских земель, как южных, так и северо-центральных»³⁹.

Вообще, существование рядом с княжеской властью веч как постоянно действующего учреждения, по мнению историка, представляет «сложную и трудную проблему»⁴⁰. Подчеркивая приоритет в этом вопросе В.И. Сергеевича,

³⁶ Там же. С. 86, 88–90. См. также: с. 96–97, 179–180, 185–186, 222–223, 286, 298.

³⁷ Там же. С. 96–97. См. также: с. 122, 128, 177. — Говоря о княжеской власти в теоретическом смысле как монархической, П.Б. Струве часто не забывает упомянуть, что фактически, «особенно в главных, старых городах, князя, конечно, должны были считаться с городским народом (вечем) и с городской «аристократией», старцами или боярами», т.к. в социальном смысле структура древнерусских государств была «аристократически-плутократическая», основанная в экономическом смысле на аграрном строе земельной собственности города над «воlostью» (с. 90–91).

³⁸ Там же. С. 89. — Это господство «лучших», или «больших», или «нарочитых» людей, то есть самых сильных, самых богатых, самых предприимчивых, наилучше вооруженных. «Уже в относительно весьма “примитивных” условиях знатность, т.е. социальное значение и вес, теснейшим образом связаны с экономической силой, с богатством» (с. 92).

³⁹ Там же. С. 91. — Ср. противоречие: «Новгородская практика есть позднейшая антимонархическая новизна, самая существенная новизна, выработавшаяся в процессе превращения Новгорода Великого, а затем Пскова в республики» (с. 187).

⁴⁰ Там же. С. 101. — Ср.: «... никакими государственно-правовыми категориями нельзя передать сожителство и взаимодействие власти княжья и того, что именуется “вечем” в

«в известном смысле “открывшего” вече как древнее общерусское учреждение», П.Б. Струве находил в его построениях ошибку. Она «состоит в том, что он не только все проявления веча, но и проявления народной воли в государственных делах древней Руси рассматривает как действие некоего учреждения, именовавшегося вечем». П.Б. Струве же, исходя из упоминавшегося выше представления о множестве правосознаний и прав, носителями которых в то время были разные общественные силы, несогласованности между субъективными правами (притязаниями), отсутствии их соответствия объективному праву (нормам), считал, что только постоянно действующее собрание-совещание городского народа, собирающееся для обсуждения государственных дел и вынесения по ним каких-то решений, может считаться вечем. Оно предполагает определенный состав участников («свободных горожан либо одного города данной земли, либо даже главного города и его пригородов») и определенный круг дел⁴¹. Хотя, «с современной точки зрения, действие этого учреждения не может быть названо регулярным и упорядоченным». «Веча и в Новгороде, и в других городах древней Руси либо вырождались в вооруженные столкновения разных направлений в городской массе, либо превращались в погромные нападения всей или части вечевой толпы на неугодных ей лиц, на их жилища и имущества»⁴². Поэтому в состав веча, считал историк, «особенно в бурные и смутные времена могли попадать лица малоправные (смерды) и даже бесправные (несвободные)». Простые же сборища народа, неопределенного и изменчивого состава, которые также имели правовое значение, ибо «творили» новое право, в юридической трактовке П. Б. Струве не могут признаваться за вече, как учреждение. Ибо его нельзя смешивать с тем, как «людь» «творило свою волю и в форме простых заявлений о том, чего ему хочется, и в форме психического давления своей воли на волю других сил, прежде всего князя или княжья, и, наконец, в форме физических насилий разного рода». Таким образом, «людь, в лице и в образе веча, так же действовало по собственному праву, как и князь. Обе эти силы в правосознании эпохи были равноправны и потому они то боролись друг с другом, то соглашались, вступали в “ряд” и друг другу часто в знак того “целовали крест”».

древней Руси. Это сожительство и взаимодействие определялось в каждый данный момент текущим фактическим соотношением этих сил. Договор (ряд) тут являлся гораздо более результатом фактического взаимодействия (борьбы) данных сил, чем его юридическим в нашем современном смысле оформлением» (с. 175).

⁴¹ Там же. С. 100–103. — Впрочем, функции веча П.Б. Струве не раскрывает, указывая только на отсутствие у него законодательных полномочий в рассматриваемую эпоху, в отличие от последующих веков в Новгороде и Пскове (с. 105–106).

⁴² Там же. С. 103, 148. — Ср.: «Новгородское “вече” есть в одно и то же время и народное собрание, призванное выражать державную волю Господина Великого Новгорода в формах, соответствующих непререкаемому правосознанию его “народа”, и революционный факт, пренебрегающий этими формами и навязанный силой одной частью “народа” другой. С этой точки зрения, вообще надлежит обсуждать вопрос о законных, или правильных, и незаконных, или самовольных вечах». Хотя тут же, П. Б. Струве утверждает, что невозможно в условиях господства обычного права, разных правопорядков и разных правосознаний переносить «на новгородский государственный быт категории современного политического строя с его понятием “легальности”» (с. 224–225).

Здесь П.Б. Струве ставил в заслугу В.И. Сергеевичу «то, что он схватил и изобразил значение “ряда” (договора) в древнерусском социальном и политическом строе». «В борьбе двух волей: народной и княжой, — образно заключал историк, — попеременно то одна, то другая оказывалась сильнее. Но князь, как “учреждение”, в общем, был сильнее. Поскольку в его руках была постоянно действовавшая и организованная вооруженная сила, дружина, у него было такое средство давления на людье, каким само людье в нормальных условиях не располагало. Князь и его дружина, по общему правилу, всегда присутствовали там, где совершались решающие государственные дела, тогда как вече-совещание нужно было еще созывать или “созвонить”, вече-сборище еще собирать, вече-толпу еще толкать и соблазнять». В итоге «князь был общественно нужнее» в этом юридическом равноправии сил. Поэтому, с точки зрения историка, изгнание и избрание князя вечем «не входило в “круг ведомства” веча, как некий обязательный элемент его компетенции», было «явление вторичное», субъективное и связано с тем, что княжеская власть, «все-таки сама, внутри себя, не была вовсе упорядоченным учреждением. Не существовало твердо установленного порядка наследования столов. В этой области были разные обычаи»⁴³. Увеличение значения веча П.Б. Струве также связывал с моментами «гражданской войны, что часто вечевые собрания были просто эпизодами такой войны и являлись реакцией возбужденного и приведенного в движение населения на основную причину и главный вид гражданской войны, на княжеские “усобицы”. В силу военного верховенства князя в земле, людье земли были ее “вой”. Эти вой, с современной точки зрения, были мобилизованными гражданами. И их собрания были сходками таких граждан во время и по поводу гражданских войн, инициатива которых чаще всего принадлежала княжью», т.е. «фактически оказывались ... войсковыми собраниями»⁴⁴. Таким образом, заключал П. Б. Струве в другом месте, «мы можем сказать, что вече не как способ изъявления вообще народной воли, а как оформленное в каких-то отношениях учреждение с уловимой компетенцией, если вообще существовало, то только в Новгороде и Пскове, и притом в позднейшую эпоху»⁴⁵.

«Еще менее чем вече, — писал П.Б. Струве, — упорядоченным учреждением была “боярская дума”, т.е. совещание князя с близкими ему “лучшими людьми”, в том числе с высшими представителями церкви». Однако здесь, не признавая за княжеским советом «субъективного права на участие в государственствовании», историк считал, что вследствие близости его к «лицу князя, реальное значение, и фактическое, и психологически-моральное, и реально-

⁴³ П.Б. Струве не указывает какие, но делает многозначительную ремарку, что «концепция принадлежности княжеской власти целому роду» совершенно тождественна «с той концепцией, которая лежала в основе франкского престолонаследия, как оно существовало до конца VII века, определяла неясность и невыработанность начал распределения власти внутри рода и предопределила после размножения Рюрика рода возрождение былых племенных государственностей в том территориальном расчленении Русской Земли на земли, или воласти-княжества, которое составляет существо т.н. удельно-вечевой системы» (с. 104).

⁴⁴ Там же. С. 101–105. Ср.: с. 225.

⁴⁵ Там же. С. 224.

институциональное, этого совета было больше, чем значение веча. В мирное время — было ли мирное время в ту эпоху нормальным состоянием, впрочем, сомнительно, — замечал П.Б. Струве, — вече, за исключением Новгорода, значило мало. Но даже и в революционные моменты княжеский совет (боярская дума) был во всех отношениях ближе к князю и сподручнее ему, чем вече»⁴⁶.

Понимание проблемы верховной власти в Древней Руси неотделимо у П. Б. Струве от проблемы властвования «города над “деревней” в современном смысле, т.е. над землей, или волостью в древнерусском смысле». Эта тема, уже поставленная в дореволюционной историографии, особенно трудами Д. Я. Самоквасова и Н. А. Рожкова, и заостренная в эмиграции, в частности в работах Д. М. Одинца, в советской историографии будет полнее раскрыта в особенности стараниями М. Н. Тихомирова и И. Я. Фроянова. «Тут, — утверждал П.Б. Струве, — нет ничего особенного или нового. Русское развитие в этом отношении своеобразно воспроизводит развитие греческое», то есть городов-государств. Возникновение городов, «как неких укрепленных бытовых и правовых центров для более или менее обширных социальных и политических целых земель или волостей» он возводит к древнейшей эпохе. Когда естественные условия, интересы безопасности и социальное расслоение создают древнерусские государства. Роль города в них, по словам П.Б. Струве, «определилась сразу следующими условиями: 1) малой населенностью страны и, в связи с этим, еще более резко выраженным 2) колониальным характером ее развития и еще более определенным 3) аристократическим характером общественного строя в связи с 4) руководящей ролью пришедшей военно-политической верхушки в редко населенной и энергично заселяемой стране»⁴⁷. Таким образом, «древнерусский город не только крепость и убежище, он есть центр социального господства и политического властвования вящих людей и князя над селом, которое есть его “волость”». И еще: «Город властвовал над землей, как племенное средоточие и в то же время как своеобразный центр аристократической внутренней колонизации, средоточие, где жили князь или князья, где нормально-хронически распоряжались вместе с ним бояре или старцы, где иногда властвовало вече, т.е. свободные люди, собравшиеся для того, чтобы либо своим громко заявленным мнением и желанием, либо своей физической силой решить в том или ином смысле тот или другой вопрос. Утверждение пришедшей династии с ее постоянной воинской силой, дружиной, еще увеличило значение города, превратив главный город земли из простого племенного средоточия “лучших людей” в укрепленный воинский лагерь-двор князя, правившего по своему княжому праву, и увеличив число других городов, пригородов, которые стали тоже укрепленными позициями той же княжеской власти и фокусами того же княжеского права»⁴⁸.

⁴⁶ Там же. С. 105.

⁴⁷ Здесь П.Б. Струве, расходясь с В.О. Ключевским «в своей общей характеристике экономического образа эпохи», вступает в согласие с его мнением о колонизации как главной движущей силой русской истории. Инициатором ее, считал он, «была власть, власть политическая, в лице князей, власть социальная, в лице аристократии, т.е. бояр и вообще привилегированных “аграрных” элементов, которые садили на землю и опекали “сирот”, давая им минимум и личной безопасности, и “капитала”» (с. 141–142, 146, 152).

⁴⁸ Там же. С. 89–90.

Таким образом, П.Б. Струве выступал противником как торговой теории происхождения городских волостей В.О. Ключевского, так и теории постепенного оседания на земле «княжья и княжых мужей». По его мнению, город властвовал над деревней не как торговый центр, а как средоточие землевладельческой силы, которая изначально была в руках князей и городской аристократии, куда он включал и княжескую дружину. Вокруг же «сидевших в городах княжья и господа оседали “купцы” и прочие “горожане”». При этом, как считал историк, в то время «просто юридический факт владения землей, которой было много и которая сама по себе не только не была капиталом, но даже не была вовсе хозяйственным благом», не имел значения. Лишь обладание натуральным или денежным капиталом, извлекаемым из владения землей («капиталовладение»), а также людьми, сидящими на ней, давало социально-экономическое могущество и политическую силу. «А сила политическая, и притом в самом непосредственном смысле воинской, т.е. вооруженной силы ... в свою очередь обеспечивала и подкрепляла могущество экономическое»⁴⁹.

Здесь необходимо упомянуть о том, как понимал П.Б. Струве проблему феодализма на Руси. Он выступал ярким противником марксистской теории феодализации в трактовке советских историков как захвата изначально общинной земли князем и другими сильными людьми и овладении ею на ленном праве, постепенном образовании классов. Эту концепцию он любопытно сравнивал со славянофильской теорией доклассового общинного строя Древней Руси. В его представлении никакой общинной земельной собственности на Руси не было, а непосредственные земледельцы были с самого начала зависимыми от господ на вотчинном праве и жили в классово-сословном строе⁵⁰. Главное отличие западноевропейского феодализма от русского средневековья П.Б. Струве видел в вольной службе привилегированных вотчинников и слуг князя, а не в зависимых отношениях, при которых вассалы были связаны с сюзеренами обязанностью службы в обмен на земельные пожалования (это, по его словам, оригинальная «особенность восточно-русского средневекового права»⁵¹). На Руси вотчина «была, с гражданско-правовой точки зрения, в западноевропейском смысле не феодом, а аллодом». Собственники же вотчин «лично не были подданными определенного князя=государя, хотя их недвижимость “судом и данью тянула” к какой-то определенной власти и властному центру». Если податное или фискальное верховенство княжеской власти обнимало все население землевладельческих волостей, то верховенство земельное, с точки зрения историка, «было весьма различным в отношении привилегированного слоя населения и его непривилегированного слоя», так как высшее право верховной власти распространялось только на необработанную землю всей области-княжения и на землю, обрабатываемую низшим слоем населения. Высшие же слои «свободно распоряжались своей собственностью и, в частности, недвижимостью, которая им принадлежала как нечто принципиально неприкосновенное и неотъемлемое для власти». Отсюда «аристократически-плутократическая верхушка» имела право отъезда, а свободные и полусвободные низы, державшие земли не на таком собственном

⁴⁹ Там же. С. 93–94, 96. См. также: с. 111, 114–115, 175–177, 200, 252–253, 420.

⁵⁰ Там же. С. 124–127, 176–177.

⁵¹ Там же. С. 286.

праве, «при этом могли только бежать из своего государства в иные княжения, за рубеж, но никуда не могли отъехать». «Это социальное различие имело свои правовые выражения. Но его нельзя вылить ни в какую односложную правовую формулу», — констатировал историк⁵².

Итак, рассмотрев взгляд П.Б. Струве на проблему верховной власти в Древней Руси, можно заключить следующее. Он считал, что со времен Н.М. Карамзина российская государственность не осознавалась как историографическая проблема. Это было заметным упущением отечественной науки. В ней П.Б. Струве находил «многочисленные ошибки в изображении и истолковании фактов, состояний (структур), событий и конъюнктур древней русской истории», полагая, что они «связаны с перенесением позднейших, ясно очерченных и твердо и точно употребляемых, понятий на неустановившиеся, текучие, неоформленные явления и со связанной с их употреблением “монистической” характеристикой этих явлений». В основе же них лежал факт, утверждал историк. «Вообще факт строил право и определял право. Во-первых, так действовал факт силы, и притом в двояком смысле: 1) в смысле политического превосходства, в основе которого лежало превосходство физическое, и 2) в смысле богатства, или превосходства экономического, каковое для своего установления и упражнения, т.е. возникновения и охраны, тоже нуждалось в физическом превосходстве». Во-вторых, право создавал обычай, который закреплял факт социально-политического и экономического неравенства⁵³.

В «многогосударственной древней Руси» все социальные институты, по мнению П.Б. Струве, были «в руках верховной власти, каковой была искони власть тех членов варяжской династии, которых династическая монополия Рюрика рода в том или ином порядке приводила к упражнению этой власти в отдельных древнерусских государствах=княжениях» («власть князя была чрезвычайно широка, почти абсолютна», князю принадлежало судебное, военное и податное верховенство, которое сосуществовало рядом с правом вечевым). «В Новгороде Великом, Пскове и Вятке эта верховная власть принадлежала не князьям, а государству, и осуществлялась (или упражнялась) вечем»⁵⁴. Таким образом, по П.Б. Струве, в Древней Руси был аристократически-плутократический социальный строй и дуалистическая политическая организация «с определенно выраженным монархическим характером и с некоторыми учреждениями, которым можно, если угодно, приписать «демократический» характер (“вече”»⁵⁵. Обильно критикуя всю предшествующую и современную ему историографию, как оте-

⁵² Там же. С. 177, 180–181, 184, 187–188, 233, 236–237, 259, 286–287. — Подробнее см. его статьи в прил.: «Наблюдения и исследования из области хозяйственной жизни и права Древней Руси» (с. 319–406).

⁵³ Там же. С. 175–176.

⁵⁴ Там же. С. 185–186. — Хотя четких механизмов эволюции «новгородско-псковского народоправства» П.Б. Струве так и не показал. Возможно, это связано всего лишь с незаконченностью его труда, частыми противоречиями философской мысли, или нежеланием вдаваться в конкретный ход исторических событий, или невозможностью установить по источникам, как часто он считал, касаясь и не касаясь многих вопросов (О его взглядах на верховную власть в Новгороде и Пскове см.: с. 222–230, 232, 239, 241–243, 245–246, 248, 253–255, 259).

⁵⁵ Там же. С. 160.

чественную, так и иностранную (теории родового, общинного, земско-вечевого, феодального быта), широко используя сравнительно-исторический метод, выступая против скороспелых социологических обобщений и единообразия общественно-политических форм, П. Б. Струве в собственных исторических построениях эклектически приходит к своеобразному философскому утверждению. «По времени, республиканская Русь позже или моложе монархической или назовем ее для простоты — княжеской, и в этом есть как бы высшая ступень в процессе эволюции»⁵⁶, т.е. сущность этой эволюции России заключается в движении от изначальной несвободы к свободе, а не наоборот, как представляла это себе дореволюционная и советская историография. В этом он видел корни русской революции, которые «глубоко заложены в исторической отсталости России и что ее социалистическая революция XX в. есть грандиозная реакция почвенных сил принуждения против таких же почвенных сил свободы в экономическом и социальном развитии России и ее народов»⁵⁷.

Творчество следующего представителя старшего поколения историков-эмигрантов белградского круга, Александра Львовича Погодина (1872–1947), также в чем-то типично, а в чем-то особенно. Филолог-славист, выпускник Петербургского университета (ученик В. И. Ламанского и А. Н. Веселовского), где был приват-доцентом, затем профессор Варшавского и Харьковского университетов. До революции автор многочисленных работ по славянской и балтской филологии, истории, исторической географии, археологии и этнографии славянских стран. В эмиграции (с 1919) лектор русского языка и словесности Белградского университета, затем профессор (1939–41), председатель Отделения языка и литературы РНИ (вел семинары по истории русской литературы), сотрудник Славянского института в Праге, создатель и председатель Русского археологического общества в Королевстве СХС⁵⁸.

Опять же, как это часто бывало с русскими учеными-эмигрантами, оказавшись в Белграде, А.Л. Погодин не смог полностью вернуться к прерванной научной работе. Всю жизнь занимаясь славяноведением, в эмиграции он вынужден был обратиться к истории Древней Руси⁵⁹. К сожалению, результатом его работы явились лишь большое количество заметок, рецензий, мелких статей, докладов в основном по варяжскому вопросу, истории древнерусской колонизации финского севера, этногенезу восточных славян и пр.⁶⁰. В них автора интере-

⁵⁶ Там же. С. 222.

⁵⁷ Там же. С. 45.

⁵⁸ См. о нем: *Лантвева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011. — В работе совсем отсутствует характеристика работ А.Л. Погодина по древнерусской истории.

⁵⁹ Хотя до революции он успел отметить статью «Киевский Вышгород и Гардарики» (Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. наук. СПб., 1914. Т. XIX. Кн. 1. С. 1–33).

⁶⁰ По древнерусской истории в РНИ им сделано больше всех докладов: в 1930 г. «К вопросу о времени возникновения летописного известия о призвании варягов», «Норманский элемент в языке договора Игоря с греками», «Славяне и финны в истории основания русского государства»; в 1931 г. «Варяги и Русь»; в 1932 г. «Легенда об апостоле Андрее в России», «Мера и ее значение в процессе образования русского государства»; в 1934 г. «Восточная Европа в первой половине X века», «О происхождении имени Русь»; в 1935 г. «Некоторые новые труды по норманнскому вопросу»; в 1938 г. «Древнейшие

совали лишь прагматические проблемы, поэтому представления о политическом строе Древней Руси IX–X вв. А.Л. Погодина выявить не просто. Он представлял себе древнерусское государство как «типично варяжское», созданное норманами («преимущественно шведы, которых наша летопись называет Русью и варягами»). Они «явились силой, нуждавшейся хотя бы в самой примитивной государственной организации: для обеспечения своих захватов торговых путей и для защиты своих торговых интересов в смысле снабжения “вывоза” товарами они нуждались в создании некоторых укрепленных торговых центров, градов». «Так, по моему мнению, — заключал А.Л. Погодин, — и приходится объяснять происхождение русского государства: царством гардов, как складочных мест для дани, собираемой германскими дружинами, и как мест расположения гарнизонов» на водном пути «из варяг в греки». Таков «характер первоначальной норманской власти» с политическим доминированием варяжской династии⁶¹. Это все, что можно узнать из статей историка. Не думаю, что он не знал о существовании иных форм верховной власти, кроме варяжских вождей. К сожалению, задачи прагматической истории отводят характеристику власти на задний план, а без нее трудно увидеть и процесс развития государства⁶².

Это — особенность не только работ А.Л. Погодина, но и трудов среднего и младшего поколения историков белградского круга русской эмиграции. В своих статьях они касались лишь фактической истории и интерпретации деятельности первых киевских князей⁶³. Но когда им приходилось писать общие обзоры рус-

---

русско-финские отношения и вопрос о родине славянства» (см.: *Тарановский Ф.В.* Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности. С. 216; *Спекторский Е.В.* Русский научный институт в Белграде. С. 31).

⁶¹ *Погодин А.Л.* Опыт языческой реставрации при Владимире // Труды русских учёных за границей. Сборники Академической группы в Берлине. Берлин, 1923. Т. 2. С. 150; *Он же.* Вопрос о происхождении имени Руси // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 275; *Он же.* Три заметки о начале русского государства // *Slavia*. 1932. R. XI. S. 118; *Он же.* Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник в память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 20.

⁶² Об этом прямо писал А.В. Соловьев в статье «Национальное сознание в русском прошлом» (1925) (см.: *Rex Rossica*. Русская государственность в трудах историков зарубежья. С. 271).

⁶³ *Сухотин Л.М.* Брачные союзы ближайших потомков святого князя Владимира // Владимирский сборник. С. 175–187; *Соловьев А.В.* Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Сборник Русского Археологического общества в Королевстве СХС. Белград, 1927. Т. I. С. 77–112; *Он же.* Национальное сознание в русском прошлом // *Rex Rossica*. Русская государственность в трудах историков зарубежья. С. 270–290; *Он же.* Значение Владимира Святого для Русской земли // Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир. М., 2000. С. 89–95; *Он же.* Заметки о договорах Руси с греками // *Slavia*. 1938. R. XV. S. 402–417; *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. R. X. S. 109–136, 343–379, 501–537; *Он же.* Начало Руси. Норманы в Восточной Европе // *Byzantinoslavica*. Т. III. 1931. P. 33–58, 285–306; *Он же.* Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // *Sborník prací I sjězdu slovanských filologů v Praze* 1929. Svarek II. Praha, 1931. S. 610–625; *Он же.* Русь и Хазария при Святославе // *Seminarium Kondakovianum*. Сб. по археологии и византиноведению, изд. Ин-том им. Н.П. Кондакова. VI. Praha, 1933. С. 187–208; *Он же.* Христианство в России до Св. Владимира // Владимирский сборник. С. 1–18; *Он же.* Хельгу хазарского документа (По поводу

ской истории, то здесь господствовала идея триализма верховной власти в Древней Руси (до второй половины XII в.) как «сочетания классических социально-государственных элементов: монархического (великий князь и князья), аристократического (боярская дума, градские старейшины) и демократического (массы городского населения собирались на вечах)», с акцентом на их неорганизованности⁶⁴. Таким образом, эта идея была ведущей в эмигрантской историографии и не только «Русского Белграда»⁶⁵.

Источники и литература:

1. *Арсеньев А.Б.* Культурные организации русской интеллигенции в Югославии 1920–1944 гг. // Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. Тарту, 1996 (Блоковский сборник. XIII). С. 309–335.
2. Государственно-правовые воззрения русской эмиграции (1920-е — 1940-е годы): Историко-правовые очерки / отв. ред. С.И. Михальченко. Брянск, 2010.
3. *Дербин Е.Н.* Институт княжеской власти на Руси IX — начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии. Ижевск, 2007.
4. *Дербин Е.Н.* И.Я. Фроянов и проблема института княжеской власти в Древней Руси // Исследования по русской истории и культуре. Сборник статей к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. М., 2006. С. 49–55.
5. *Дербин Е.Н.* Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2016. Вып. 1. С. 18–30.
6. *Дворниченко А.Ю.* Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М., 2014.
7. *Емельянов Ю.Н.* История в изгнании: Историческая периодика русской эмиграции (1920–1940-е годы). М., 2008.
8. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах: 1920–1940 / Пер. с сербского А. Ю. Тимофеева. М., 2005.
9. *Лаптева Л.П.* Русский историк-славист Александр Львович Погодин: Жизнь и творчество (1872–1947). М., 2011.
10. *Мошин В.А.* Варяго-русский вопрос // *Slavia*. 1931. R. X. S. 109–136, 343–379, 501–537.
11. *Мошин В.А.* Главные направления в изучении варяжского вопроса за последние годы // *Sbornik prací I sjezdu slovanských filologů v Praze 1929*. Svarek II. Praha, 1931. S. 610–625.
12. *Мошин В.А.* Начало Руси. Норманы в Восточной Европе // *Byzantinoslavica*. Т. III. 1931. Р. 33–58, 285–306.
13. *Мошин В.А.* Русь и Хазария при Святославе // *Seminarium Kondakovianum*. Сб. по археологии и византиноведению, изд. Ин-том им. Н.П. Кондакова. VI. Praha, 1933. С. 187–208.

статьи Л.Я. Лавровского «Олег и Хельгу Хазарского документу») // *Slavia*. 1938. R. XV. S. 191–200; *Острогорский Г.А.* Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник. С. 31–40; *Ostrogorsky G.* L'Expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // *Анналы Института имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum)*. XI. Белград, 1940. С. 47–62.

⁶⁴ *Јелачић А.* Историја Русије. Београд, 1929. С. 11 (перевод мой). Ср.: *Сухотин Л.М.* Учебник русской истории. Младший курс. Ч. I. Новый Сад, 1926. С. 37.

⁶⁵ *Дербин Е.Н.* Проблема верховной власти в Древней Руси в трудах историков-юристов Харбинского центра русской эмиграции // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2016. Вып. 1. С. 18–30.

14. *Мошин В.А.* Хельгу хазарского документа (По поводу статьи Л.Я. Лавровского «Олег и Хельгу Хазарского документу») // *Slavia*. 1938. R. XV. S. 191–200.
15. *Мошин В.А.* Христианство в России до Св. Владимира // Владимирский сборник: В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 1–18.
16. *Одинец Д.М.* Рец. на кн.: Teodor Taranowski. *Historia prawa rosyjskiego*. С. I. *Historia ustroju państwowego*. Lwow, 1928 // *Современные записки*. Париж, 1929. Т. 38. С. 552–554.
17. *Острогорский Г.А.* Владимир Святой и Византия // Владимирский сборник: В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 31–40.
18. *Пайнс Р.* Струве: Биография / Пер. с англ. А. Захарова. М., 2001. Т. 1–2.
19. *Rex Rossica*. Русская государственность в трудах историков зарубежья: Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941 гг. / Авт.-сост. Е.Л. Бондарева. М., 2012.
20. *Пашуто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1991.
21. *Петр Бернгардович Струве* / Под ред. О.А. Жуковой, В.К. Кантора. М., 2012.
22. *Погодин А.Л.* Варяги и Русь // *Записки Русского научного института в Белграде*. Белград, 1932. Вып. 7. С. 93–135.
23. *Погодин А.Л.* Варяжский период в жизни князя Владимира // Владимирский сборник: В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 19–30.
24. *Погодин А.Л.* Вопрос о происхождении имени Руси // Сборник в чест на Васил Н. Златарски. София, 1925. С. 269–275.
25. *Погодин А.Л.* Опыт языковой реставрации при Владимире // *Труды русских учёных за границей*. Сборники Академической группы в Берлине. Берлин, 1923. Т. 2. С. 149–157.
26. *Погодин А.Л.* Три заметки о начале русского государства // *Slavia*. 1932. R. XI. S. 118–140.
27. *Пузанов В.В.* Образование Древнерусского государства в восточноевропейской историографии. Ижевск, 2012.
28. *Российское научное зарубежье: материалы для библиографического словаря*. Пилотный вып. 4. *Юридические науки: XIX — первая половина XX в.* / авт.-сост. М.Ю. Сорокина. М., 2011.
29. *Русская эмиграция в Югославии*. М., 1996.
30. *Соловьев А.В.* Заметки о договорах Руси с греками: I. Варяжский элемент в договорах Олега и Игоря. II. О бириче в древнеславянском праве // *Slavia*. 1938. R. XV. S. 402–417.
31. *Соловьев А.В.* Значение Владимира Святого для Русской земли // *Святой Креститель. Зарубежная Россия и Св. Владимир*. М., 2000. С. 89–95.
32. *Соловьев А.В.* Национальное сознание в русском прошлом // *Rex Rossica*. Русская государственность в трудах историков зарубежья: Работы русских историков-эмигрантов белградского круга 1920–1941 гг. / Авт.-сост. Е.Л. Бондарева. М., 2012. С. 270–290.
33. *Соловьев А.В.* Святая Русь. Очерк развития религиозно-общественной идеи // Сборник Русского Археологического общества в Королевстве СХС. Белград, 1927. Т. I. С. 77–112.
34. *Спекторский Е.В.* Десятилетие Русского научного института в Белграде (1928–1938) // *Записки Русского научного института в Белграде*. Белград, 1939. Вып. 14. С. 1–27, втор. пагинации.
35. *Спекторский Е.В.* Жизнь и личность Ф.В. Тарановского // *Записки Русского научного института в Белграде*. Белград, 1936. Вып. 13. С. I–XX.
36. *Спекторский Е.В.* Русский научный институт в Белграде с 1935/6 по 1937/8 акад. год включительно // *Записки Русского научного института в Белграде*. Белград, 1939. Вып. 14. С. 29–35, втор. пагинации.
37. *Струве П.Б.* Избранные труды. М., 2010.
38. *Струве П.Б.* Ф.М. Тарановский как историк западного и русского права // *Записки Русского научного института в Белграде*. Белград, 1936. Вып. 13. С. XXI–XXXVII.

39. Сухотин Л.М. Брачные союзы ближайших потомков святого князя Владимира // Владимирский сборник: В память 950-летия крещения Руси. 988–1938. Белград, 1938. С. 175–187.
40. Сухотин Л.М. Учебник русской истории. Младший курс. Ч. I. Новый Сад, 1926.
41. Тарановский Ф.В. Русский научный институт в Белграде за первые шесть лет его деятельности с 1928/9 по 1933/4 ак. г. // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1935. Вып. 11. С. 209–226.
42. Тарановский Ф.В. Русский научный институт в Белграде в 1934/5 акад. г. // Записки Русского научного института в Белграде. Белград, 1936. Вып. 13.
43. Томсинов В.А. Федор Васильевич Тарановский (1875–1936): Биографический очерк // Тарановский Ф.В. История русского права. М., 2004. С. V–XXVIII.
44. Ульянкина Т.И. Русская академическая эмиграция в Сербии: обзор довоенного периода 1919–1938 гг. // Российско-сербские связи в области науки и образования: XIX – первая половина XX в. СПб., 2009. С. 56–76.
45. Эсперов Н.Е. Удельно-феодальная эпоха, как особый период в истории русского права // Известия Юридического факультета. Высшая школа в Харбине. Юбилейный девятый том. 1920–1930. Т. IX. Харбин, 1931. С. 245–251.
46. Јелачић А. Историја Русије. Београд, 1929.
47. Ostrogorsky G. L'Expédition du prince Oleg contre Constantinople en 907 // Анналы Института имени Н.П. Кондакова (Seminarium Kondakovianum). XI. Белград, 1940. С. 47–62.
48. Taranovskij Th. Contribution à l'histoire des institution politiques de la Russie // Le Monde Slave. 1929. № 3 (Mars). P. 426–445; № 4 (Avril). P. 92–114.
49. Taranowski T. Historia prawa rosyjskiego. Cz. I. Historia ustroju państwowego. Lwów, 1928. 152 s.